

СЕМЬ раз собирались смирныховцы по поводу на траурные митинги по случаю торжественного захоронения останков героев-освободителей Южного Сахалина от японских завоевателей. Около пятидесяти бойцов и командиров покоятся наконец-то в родной земле, которая стала для них пухом и последним пристанищем. Благодарные их вечной памяти земляки и боевые друзья-ветераны делают все, чтобы последний солдат был похоронен — тогда только закончится вторая мировая война, скажет позднее при погребении военный комиссар Вячеслав Тихонов.

А пока мы собирались на площадке у здания Побединской администрации, где на подставках стояли шесть гробов, обитых кумачом. Четверо автоматчиков вытянулись по углам площадки. Приехали из Смирных ветераны войны и труда, вице-мэры Виталий Иванович Манцевич и Сергей Евгеньевич Щепкин, председатель районного собрания Любовь Николаевна Жевлакова, работники администрации района и села Побединово главе со старостой Татьяной Александровной Кремлевой, солдаты и офицеры Смирныховского гарнизона, жители села. Много детей — это учащиеся Побединской средней школы. У многих в руках букеты осенних цветов.

МЕНЬЕ полумесяца назад мы празднично отметили День Победы над милитаристской Японией. Вот так вместе собирались в Победино у братской могилы воинов, погибших при штурме Харамитогского укрепрайона. Герой-комбат Григорий Светецкий, много раз приезжавший из Москвы, чтобы встретиться с ветеранами, которых он вел в бой в августе 45-го, и поклониться братским могилам погибших друзей, вспоминал:

— После нападения фашистской Германии на нашу Родину батальон получил значительное пополнение за счет призывников Сахалинской области. Некоторые из них имели слабые военные знания, а отдельные вообще не имели никакой военной подготовки. Необходимо было регулярно заниматься боевой подготовкой. При том большом объеме оборонительных работ можно себе представить, какую физическую нагрузку приходилось испытывать солдатам и офицерам.

Про эту нагрузку рассказал участник траурного митинга, ветеран из Смирных Михаил Дмитриевич Ансимов:

— В первый же день войны с фашистами я попал в третий батальон капитана Светецкого. Родом я курянин, спасшийся от голода в тридцатые годы вербовкой на Сахалин. Два года проработал трактористом в Тымовском районе, служить начал, совершенно не имея представления о воинском деле. Комбат из таких же необученных, как я, за годы войны на западе сумел создать отличный воинский коллектив. Что я мог на гражданске? Пахать, сеять, косить. Силенки не было, так научился ногой проворачивать тугую

рюкзак трактора, чтобы запустить двигатель — тогда пускай не было. В Александровске, куда послал меня комбат, сделался первым номером станкового пулемета «Максим», с которым, кстати, умело воевал и Антон Буюкли. В Онор и ближе к границе мы рыли окопы, строили казармы. Топор да поперечная пила — вот и вся «техника», да и их не хватало. Не было досок, теста, стекол. Окна заклеивали бумагой. Так и зимовали — не в окопах же мерзнуть. Жизнь была тяжелой. Постоянно хотелось есть. Да еще этот изнурительный труд, ежедневные занятия по боевой подготовке, учения отнимали все время. Только что и был раздых, что

юг. В районе железнодорожного моста разведчики обнаружили еще один опорный пункт, насчитывающий 18 дзотов. Пришлось и его атаковать с ходу. К исходу 12 августа разведка полка уже находилась у Котона (Победино)...

СЕГОДНЯ и мы в Победино. В два часа духовой оркестр из Смирных исполнил скорбный похоронный марш Шопена. Началась панихида поubenным героям-освободителям Южного Сахалина, чьи останки покоятся в шести гробах. Отпевание прошло священник Смирныховского прихода «Сретение Господне» отец Василий.

Под траурные марши духового оркестра солдаты Смир-

ного времени войны.

Траурную процессию уже ждали на мемориальном комплексе десятки победителей. Над ямой будущей новой братской могилы склонились березки, уже по-осеннему грустные, с облетающей листвой. Старые деревья, большая шеренга солдат, автоматы на плечах у некоторых помогают ярко представить август 45-го. Здесь, несомненно, были наши бойцы, которыми руководил герой-комбат капитан Смирных. Корреспондент «Правды» Л. М. Демин писал в те дни:

«ПЕРЕД нами тянулась гряда сопок, поросших лесом, — Харамитог. Здесь была основная линия

ными зарослями, японцы искусно использовали для обороны. На перекрестках просек и лесных троп были построены дзоты, установлены пулеметы.

Первым в Котон ворвался 13 августа батальон капитана Смирных. Бои здесь шли за каждый дом, за каждый метр земли. Особенно упорно японцы защищали железнодорожную станцию, отстреливаясь из станционных зданий, из вагонов, из-за штабелей шпал. Взять станцию с ходу пехотинцы не смогли. Тогда проявил смелую инициативу пулеметчик Паршин. Он облюбовал вагонетку, которая стояла в конце железнодорожной ветви, и установил на ней станко-

труа... Но было это уже без капитана Смирных. «Он всегда находился в пекле: ходил на штурм, в разведку боем, не раз участвовал в рукопашной схватке, — дал характеристику комбату командующий операцией по освобождению Южного Сахалина гвардии генерал-лейтенант Герой Советского Союза А. А. Дьяконов. — Его бесстрашие восхищало и воодушевляло солдат». Погиб он от пули японского снайпера-«кукушки», сидевшего на дереве. Случилось это близ последнего командно-наблюдательного пункта, стены которого обагрил своей кровью комбат... Где он находился? Может быть, недалеко от этого места, где мы собирались по памятному случаю сегодня. Вспоминаются слова А. М. Пашкова об офицере, чьи останки были похоронены здесь в первой братской могиле. А это место уж становится похожим на будущий мемориальный комплекс. Асфальтированная дорожка, бетонные плиты, бетонный тротуар...

«Вечная слава героям!» — разносится над головами участников траурного митинга голос председателя районного собрания Любови Николаевны Жевлаковой.

Глава поселковой администрации Татьяна Александровна Кремлева открывает траурный митинг. Звучит Гимн Российской Федерации. К микрофону подходит вице-мэр Смирныховского района Сергей Евгеньевич Щепкин:

— Годовой раз в золотые дни мы вновь и вновь обращаемся к нашей памяти. История хранит немало страниц, открыть которые — наш долг. Одна из таких страниц — победа Красной Армии на Южном Сахалине и Курильских островах. Смирныховская земля таит в своих недрах останки погибших в незабываемом 1945 году.

Результатом работы очередной экспедиции стало обнаружение останков 23 советских воинов. Сегодня мы отдаем им последние почести. Вечная слава героям, погибшим за счастье грядущих поколений россиян!

Траурный митинг заканчивается. Снова льются величественные звуки Гимна Российской Федерации. Отец Василий со своими помощниками продолжает церковную службу отпевания погибших воинов.

ОТПЕВАНИЕ закончено. Каждому участнику траурного митинга хочется бросить в новую могилу горсть родной земли, за которую отдали свои молодые жизни вот эти 23 героя... Насыпанный свежий холм и временный деревянный памятник утонули в венках и цветах. Скоро здесь будет положена плита, и благодарные потомки будут знать, кто здесь лежит. Нет, к сожалению, имена их не известны. Но люди будут знать, что здесь, в мемориальном комплексе, лежат герои-освободители Южного Сахалина. И память об их героическом подвиге будет жить века. Это надо не мертвым — это надо живым!

Г. ВИКТОРОВ,
с. Победино.

ЭТО НАДО ЖИВЫМ

во время завтрака, обеда и ужина.

А вот непосредственно воевать пришлось не с любимым комбатом, а в разведотряде майора Трегубенко. В отряд отбирали самых надежных бойцов, и надо сказать, как ни пришлось нам лихо в японском тылу; ни один не дрогнул, не смутился. Мы не пропустили ни одного японца, хотя враг стремился прорваться из колыча на юг или запад. В целях обеспечения успеха в прорыве Харамитогского УР предусматривался обходной маневр облегченного полка по болотам Поронайской долины на Муйку-Котон, наш разведотрядшел в обход укрепрайона на Нибу и далес на Котон.

Я никак не сомневалась, что из пятидесяти ребят, которых мы продолжаем, благодаря поисковикам, хоронить уже седьмой год, кто-то был со мною рядом, когда мы вели разведку боем, а потом заперли японцев под Победино. Хоронить друзей нам было некогда — надо было быстро идти вперед, нести их с собой на окраине Победино, со временем будет мемориал памяти россиян, погибших в боях в августе 1945 года.

В одном из гробов покоялись останки офицера. Александр Михайлович нагнулся ко мне и прошептал поразившие меня и, наверное, его самого слова: «А почему не представить, что этим офицером был Леонид Смирных?»

С ним бы согласился и участник боев в этих местах Михаил Дмитриевич Ансимов:

— Понимаешь, ну не верю я, что Леонид Владимирович Смирных похоронен в Леонидово. Почему в Леонидово, а не в Котоне, где и погиб? Тогда было не до организованных похорон...

В самом деле, и Леонид Смирных, и Антон Буюкли героически погибли отнюдь не Героями Советского Союза, которых, как генералов и маршалов, конечно же, хоронили не как простых смертных даже

оборонительных рубежей японцев. Мы отчетливо видели, как рвались то тут, то там снаряды, взметая вверх столбы земли, каменного щебня, черной пыли. Наша артиллерия расстреливала огневые точки японцев. Вот в сопках свернула короткая огневая вспышка — одна, другая, третья. Это были пулеметы из японских дзотов.

Разведка установила, что имеется лесная дорога на Котон, огибающая район Харамитог с востока и проходящая для артиллерии наших калибров.

Первыми тронулись в путь огневые взводы на механической тяге. Они должны были прибыть в район Котона, не дожидаясь, пока подтянутся конные и пешие управляемцы, и немедленно приступить к оборудованию огневых позиций... А в Котоне в это время шел жаркий бой.

Котон представлял собой небольшой поселок у южных склонов Харамитога, разделенный речкой на две части. Здесь была начальная станция южно- сахалинской железнодорожной дороги. Ближайшие подступы к поселку и к укрепленному району, покрыты густыми таеж-

ый пулемет. Затем, оттолкнувшись с силой вагонетку, вскочил на нее. Вагонетка шла под уклон, набирая скорость. Приблизившись к станции, Паршин принял к пулемету и открыл огонь по станционным постройкам, где засели японцы. Этот смелый маневр пулеметчика вызвал растерянность и панику среди врагов. Воспользовавшись этим, бойцы батальона Смирных бросились в атаку и выбили японцев из станции.

15 августа отряд Трегубенко с боем занял небольшой поселок Нибу (Ручьи). Таким образом, была перерезана дорога, соединявшая район Котона с западным побережьем. Окружение японского укрепрайона было завершено.

17 августа происходили решающие бои. Силы противника были расчленены на несколько изолированных друг от друга группировок. Полк Кудрявцева соединился с частями, наступавшими с севера. Японское командование убедилось в бесплодности дальнейшего сопротивления. Над траншеями были подняты белые флаги... К вечеру 18 августа остатки харамитогского гарнизона капитулировали.

Но было это уже без капитана Смирных. «Он всегда находился в пекле: ходил на штурм, в разведку боем, не раз участвовал в рукопашной схватке, — дал характеристику комбату командующий операцией по освобождению Южного Сахалина гвардии генерал-лейтенант Герой Советского Союза А. А. Дьяконов. — Его бесстрашие восхищало и воодушевляло солдат». Погиб он от пули японского снайпера-«кукушки», сидевшего на дереве. Случилось это близ последнего командно-наблюдательного пункта, стены которого обагрил своей кровью комбат... Где он находился? Может быть, недалеко от этого места, где мы собирались по памятному случаю сегодня. Вспоминаются слова А. М. Пашкова об офицере, чьи останки были похоронены здесь в первой братской могиле. А это место уж становится похожим на будущий мемориальный комплекс. Асфальтированная дорожка, бетонные плиты, бетонный тротуар...